

УДК 94(47).084+911.53+394.268.3

ЛОКУСЫ ПАМЯТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ТРАДИЦИИ (почитание братских могил в Юрлинском районе Пермского края)¹

Светлана Юрьевна Королёва

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. petel@yandex.ru

Елена Михайловна Четина

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. chetina@mail.ru

Оксана Алексеевна Колегова

студентка филологического факультета

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. oksana_kolegowa.psu@mail.ru

Зафиксированные на территории Юрлинского района Пермского края способы мемориализации локусов, связанных с событиями ранней советской истории, образуют спектр вариантов с преобладанием официальных или народно-традиционных форм почитания. Во втором случае памятные места «вписываются» в ряд сходных локусов на основе актуальных для данной традиции моделей: осмысляются как «нечистые», «опасные» (здания, где пролилась кровь, наступила смерть; заброшенные кладбища) либо стимулируют возникновение специальных поминальных практик (братские могилы). Основу таких обрядов составляют календарные поминки по умершим родным, но ритуал из семейно-родственного становится общим, коллективным.

Ключевые слова: Пермский край; русские; поляки; Гражданская война; спецпереселенцы; братские могилы; культурный ландшафт; поминальная обрядность; мифологические рассказы.

Российское общество постепенно переходит столетний рубеж, отделяющий страну от событий Первой мировой войны, двух революций и последовавшей за ними Гражданской войны (1917–1923 гг.). В зарубежной социогуманитаристике 1990–2010-х гг. (прежде всего англо- и франкоязычной), разрабатывающей проблему исторической памяти, формируется особое направление исследований, сфокусированных на изучении памятных мест (воинских кладбищ, братских могил, памятников, мемориалов и т. д.), которые возникли в связи с Первой мировой войной (обзор некоторых работ и библиографию см. [Юдкина 2015: 258–264, 278–279]; о «местах памяти» как социально-психологическом феномене в целом см. [Нора 1999]). В эти же десятилетия – по иным причинам и в других ракурсах – интенсивное изучение данного события происходит и в российской науке. Однако если рас-

сматривать функционирование коллективной памяти в ее «привязке» к конкретным пространственным локусам, то, по-видимому, с этой точки зрения не менее актуальными для России оказываются события Гражданской войны, охватившей всю территорию страны и прямо отразившиеся на судьбе самых широких слоев населения. Коллективная память об этой войне в известном смысле «дробится» на региональные и локальные варианты; устные нарративы о ней нередко до сих пор передаются как часть семейной истории.

Связь мест сражений, братских и одиночных захоронений и прочих локусов памяти, возникших в первые годы Советской власти, с устными нарративами и ритуализированными формами поведения рассматривается в работах отечественных фольклористов и этнографов (однако число таких работ, кажется, невелико); в частности, ряд

интересных наблюдений, касающихся функционирования памятных мест времен Гражданской войны в традиционном культурном ландшафте, сделан на материалах из зоны татарско-удмуртско-бесермянских контактов [Попова 2011: 200–205], русско-алтайского пограничья [Любимова 2012: электр. ресурс, 2013: 32–37, 39–42].

Сведения, представленные в нашей статье, также относятся к зоне интенсивных этнокультурных контактов. Они зафиксированы в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края, называемом иногда «русским островом», так как он является местом компактного проживания русского населения в окружении коми-пермяков. Материалы – интервью с местными жителями, фото- и видеосъемка памятных мест и объектов – собраны авторами в 2013–2015 гг. в ходе экспедиционных исследований Лаборатории культурной и визуальной антропологии (рук. Е.М. Четина) и студенческой краеведческой практики (рук. С.Ю. Королёва) филологического факультета ПГНИУ². В статье описывается ряд сакрализованных объектов, «концентрирующих» историческую память, и их расположение в природно-культурном ландшафте; приводятся приуроченных к этим объектам нарративы фольклорного типа. Особое внимание уделяется способам включения данных локусов (по преимуществу братских захоронений) в обрядовые поминальные практики. Возникновение этих локусов в основном связано с Гражданской войной. Еще одним значимым для местных жителей событием стало появление в районе большого количества спецпереселенцев. Таким образом, зафиксированная нами ритуализированная коллективная память о событиях ранней советской истории охватывает период с 1919 г. до начала 1950-х гг.

События Гражданской войны в Юрле

История заселения «русского острова» остается не вполне проясненной. Как свидетельствуют исторические источники, в формировании русского населения современного Юрлинского района значительную роль сыграли беглые крепостные крестьяне и старообрядцы-«кержаки»; в XIX в. здесь отбывали наказание политические ссыльные [Бахматов 1999: 10–11]. К концу позапрошлого столетия в среде юрлинского крестьянства наблюдалось существенное имущественное расслоение, однако по сравнению с соседними северными коми-пермяцкими территориями Юрлинская волость более активно занималась продажей хлеба и считалась самой зажиточной [там же: 13]. На средства уездного земства в Юрле были построены городское четырехклассное училище и земская больница; в волостном

центре имелось 13 торговых лавок, кирпичеделательное и кузнечно-слесарное заведения, пекарня, различные мастерские, работала библиотека-читальня [Бахматов, Шандера 2014: 25–26]. Как позднее отмечали советские историки, в предреволюционный период село Юрла представляло собой «сильный экономический и по тем временам заметный культурный административный центр <...>, со значительной концентрацией в нем торговых и кулацких элементов» (Коми-Пермяцкий национальный округ 1948, цит. по [Бахматов 1999: 16]). Возможно, именно этим фактором обусловлен сравнительно острый характер борьбы между сторонниками и противниками Советской власти, развернувшейся здесь в годы Гражданской войны.

По свидетельству современников, революционные настроения распространялись в народной среде под влиянием политических ссыльных, а после 1917 г. – под воздействием возвращавшихся с Первой мировой войны солдат [Бахматов 1999: 68–69, 75, 78 и др.]. В феврале 1918 г. в Чердынском уезде, частью которого была Юрлинская волость, установилась Советская власть. Однако новая политика постепенно вызывала недовольство у значительной части крестьян, особенно зажиточных; когда стало известно о приближении белогвардейских колчаковских войск, в Юрле началось крестьянское (в советской историографии – кулацкое) восстание. Оно совпало с эвакуацией из Чердыни в Вятку советских учреждений и семей красноармейцев, в ходе которой через Юрлу двигались обозы с людьми и имуществом.

В волостном центре, кроме местного красноармейского отряда, располагался Закамский штаб связи и охраны под командованием В.И. Дубровского, разместившийся в каменном двухэтажном здании четырехклассного училища. Восстание началось в ночь с 5 на 6 января³ 1919 г., многие сторонники Советской власти были сразу расстреляны или заключены под стражу. Наиболее драматичные события связаны со зданием штаба, на втором этаже которого успела укрыться какая-то часть красноармейцев: им пришлось трое суток выдерживать осаду и отбивать атаки повстанцев, пока не подошло подкрепление [там же: 80].

Специалисты, работающие со свидетельствами очевидцев, отмечают воздействие на их рассказы целого ряда факторов: пола, возраста, образа мысли, типичного для социальной группы, к которой принадлежит рассказчик, занимаемой им психологической позиции и др. [Власкина 2011: 30–31; Нуркова 2009; Хальбвакс 2005: электр. ресурс]; все они задают ракурс виденья и

оценку исторических событий, влияют на содержание воспоминаний, не лишая их при этом определенной объективности и достоверности. Атмосферу ожесточенной борьбы во время юрлинского крестьянского восстания воссоздает свидетельство Е.В. Кониной, непосредственной участницы событий, находившейся в осажденном здании Закамского штаба охраны и связи. Приведем фрагменты ее рассказа, содержащий примечательные психологические подробности и значимые для нашей темы детали:

На втором этаже <...> мы увидели жуткую картину: весь зал был залит кровью, на полу валялись убитые и раненые. <...> Все окна были выбиты, а мороз стоял сильный, 30–35 градусов. Начало светать, и можно было видеть, как белые окружают штаб. <...> Их человек пятьсот, а нас небольшая кучка – всего 21 человек, из них восемь человек – дети. <...> Сидим, отстреливаемся. Раненые просят воды, но воды нет. Хлеба – тоже. Холод. Стынет в жилах кровь. На четвертый день решили взорваться вместе со школой. Заложили в печь динамит <...>. «Умрем, но не сдадимся!» – таков был девиз. Сели все в кружок, раненых положили в середину. Дубровский поджег бикфордов шнур, и огонь пополз по нему... Безумно хотелось жить. Я встала и подошла к окну. «Прощай, белый свет, прощай, дорогая мамочка!» И вдруг вижу: мчатся конники <...>. «Наши! Красное знамя!» – крикнула я. Все вскочили [Бахматов 1999: 85–87].

**Рис. 1. Здание, где в 1919 г. располагался
Закамский штаб охраны и связи.
Фото С. Королёвой, 2014 г.**

Пришедшие на помощь красноармейские отряды освободили осажденных и арестованных, помогли похоронить расстрелянных, после чего отступление частей Красной Армии и эвакуация советских учреждений продолжились. Вскоре в Юрлинскую волость заняли колчаковские войска,

при их поддержке возобновились карательные акции со стороны повстанцев. Советская власть была восстановлена в Юрле после вынужденного отступления белогвардейцев в июле 1919 г.

Как показывают полевые исследования, в настоящее время юрлинцы старшего и среднего возраста сохраняют общее представление о локальных событиях Гражданской войны. Поддержанию исторической памяти способствует выпуск краеведческих изданий, где содержатся конкретные факты и разноплановые по своему характеру свидетельства современников (ряд таких работ подготовлен юрлинским краеведом и заведующим местным историко-краеведческим музеем А.А. Бахматовым); подобные издания, имеющиеся в библиотеках и школах района, хорошо известны жителям и пользуются спросом со стороны читателей. Периодически тема далекой войны возникает и в местной прессе. Что касается устной коллективной памяти, то она концентрируется по преимуществу вокруг трех юрлинских объектов: кирпичного здания четырехклассного училища (впоследствии – школы), где держали оборону осажденные красноармейцы; здания волостной управы (теперь – районного суда), где содержались арестованные; обелиска на месте братской могилы, где похоронены погибшие от рук повстанцев.

Устная коллективная память в райцентре

В истории юрлинской братской могилы есть значимый, на наш взгляд, эпизод, на котором необходимо остановиться подробнее. Здесь были похоронены некоторые из расстрелянных в первые же дни восстания. Есть сведения, что могила располагалась на сельской площади. Однако после отступления Красной Армии и прихода в Юрлу колчаковцев братское захоронение было разрыто местными крестьянами-повстанцами, а тела «перевезены на скотский могильник и там кое-как зарыты» [там же: 80–81], т. е. перемещены в «нечистое» место.

В сущности, все братские погребения времен Гражданской войны представляли собой отступление от нормативных для традиционного сознания вариантов, где отклонения могли проявляться в разной степени. Предпочтительной у русских крестьян считалась смерть «в свой срок» (по достижении пожилого возраста) и по причинам, которые воспринимаются как естественные. Перед кончиной человек должен иметь возможность причаститься, рядом с ним должны присутствовать родственники, которые затем правильно подготовят тело к погребению, сопроводят на кладбище, похоронят и справят положенные поминки. Если конкретный случай в целом укладывался в представления о норме,

его могли обозначить устойчивой формулой *похоронили хорошо* (подробнее см. [Николаев 2012: 365–367]). Как отмечает О.Р. Николаев, ценность этой формулы возрастала в кризисные периоды, «когда возможна ситуация “похоронили плохо”, когда вообще похорон может не быть <...> В рамках восприятия поколения, очевидно, было неизбежным сравнение с теми членами семьи и рода, которые пропали без вести на войне, были похоронены на чужой стороне, погребены в братских могилах и на безымянных кладбищах, сгинули в лагерях и на пути в ссылку...» [Николаев 2012: 368–369].

Гибель во время Гражданской войны – всегда отступление от нормы: это смерть «до срока» (погибали люди среднего возраста, молодежь, в отдельных случаях – дети), насильственная, а в некоторых случаях исключительно жестокая⁴. Родственники зачастую не имели возможности осуществить похороны по всем канонам, тела погибших если и предавались земле, то не вполне «правильным» способом или в «неправильных», с точки зрения традиции, местах (вместо отдельных могил – братская, вместо кладбища – сельская площадь и т. д.). Юрлинский случай примечателен (но отнюдь не уникален), поскольку здесь имело место раскапывание могилы и перемещение тел убитых в «нечистое» пространство, т. е. физическое и одновременно символическое их поругание. Аналогичный случай зафиксирован в д. Вятчина: в феврале 1919 г. повстанцы схватили тут троих красноармейцев-разведчиков и после пыток расстреляли (см. примечание 4); первоначально тела казненных были закопаны на скотском кладбище⁵ и лишь позднее захоронены в братской могиле на деревенском погосте: «Через год их перенесли. Выкапывали Иван Семенович, у Кузьмы Ларионовича жена и еще кто-то третий. Их заставили. Тут сейчас памятник поставлен» [Бахматов, Шандера 2014: 130]⁶.

Символичным представляется и то пространство, где после отступления белогвардейцев были перезахоронены жертвы юрлинского крестьянского восстания. Братская могила разместились в Юрле поблизости от каменной Богоявленской церкви, заложенной в 1879 г., – и практически примыкала к прицерковному кладбищу, хотя находилась за пределами церковной ограды⁷. Таким образом, для захоронения сторонников Советской власти было выбрано место, освященное близким присутствием храма, сохраняющего для традиционного сознания статус сакрального объекта⁸. Очевидно, что события первой трети XX в. – Первая мировая и Гражданская войны, революция, коллективизация – в значительной

мере расшатывали и трансформировали крестьянское мировоззрение, однако описанные случаи показывают, что в кризисных ситуациях специфическим образом актуализировались традиционные смыслы, в том числе связанные с семантикой пространства («нечистое – сакральное»).

В советское время каменное здание юрлинского храма, возле которого располагалась братская могила, было снесено. Обелиск, установленный на могиле, задействовался в официальных торжественных мероприятиях, проводившихся в революционные праздники (прежде всего 7 ноября, в годовщины Октябрьской революции): к нему приводили школьников, возлагали венки и живые цветы. Памятник поддерживается в удовлетворительном состоянии и сегодня: он огорожен забором, трава внутри выкошена, на обелиске сохраняется памятная надпись «Воинам, погибшим за Советскую власть в годы Гражданской войны в январе-феврале 1919 г.»; с начала 1990-х гг. официальные мероприятия здесь не проводятся. Несколько лет назад рядом с обелиском установлен памятный крест, отмечающий место, где ранее стояла каменная церковь. Примечательно, что братская могила и теперь располагается относительно недалеко от храма – деревянной Богородицкой церкви 1773 года постройки, в новейшее время заново освященной как Богоявленская.

Рис. 2. Обелиск на братской могиле в с. Юрла.
Фото С. Королёвой, 2014 г.

От жителей с. Юрла не записано воспоминаний, указывающих на то, что на месте братского захоронения проводились поминки традиционного типа; по всей видимости, в волостном/районном центре быстро возобладали новые, собственно гражданские формы мемориализации, официально поддерживаемые и распространяемые в советском обществе. Тем не менее,

как показали наши исследования, этот локус памяти оказался включен и в поле традиционной культуры, существовавшей параллельно официальной, но произошло это с помощью не обрядово-ритуальных (акциональных), а нарративных (собственно вербальных) практик, не привлекавших внимания местных властей. Речь идет о функционировании мифологических рассказов, маркирующих место братского захоронения (а также прилегавшего к нему ранее церковного кладбища) как потенциально опасного. Особый характер пространства проявляется в том, что в близко расположенных зданиях *видится, вержится*:

Нужно обойти <ограждение с обелиском> с другой стороны, вот там как раз видится вот в этом здании рыжая женщина. <...> А когда копали здесь водопровод, то натыкались на гробы и даже там под фундаментом, ну, в здании самом, тоже что-то рыли. <...> Я не знаю, вот здесь оно, кладбище церковное. <...> И вот там детский сад практически на могилах. Тут тоже должно бы вержиться, наверное (с. Юрла, 2014)⁹.

Аналогичные устные истории связываются с кирпичным зданием штаба, где затем была восьмилетняя школа, а в настоящее время расположен школьный интернат:

Вот здесь береза была, она исчезла, сук был вот такой, помню, длинный, огромный. Это как раз следы тех событий. Стреляли здесь. (А почему такой след?) Вершину срезало. Тут находили патроны и многое другое. В этом здании как раз и вержится.

Один мне рассказывал, что слышит звук рояля. (Звук рояля?) Да, а нету ничего, там не было этого ничего. Раз – открывают дверь или топот копыт, как будто лошадь тут. Он даже прятался за дверью. Раз – и шаги слышит, а никого нет... (А рассказчик, который все это слышал, там работал?) Нет, он учился там (обе записи – с. Юрла, 2014).

На территории Коми-Пермяцкого округа, включая юрлинский «русский остров», широко распространено поверье, согласно которому «пугающими» становятся места, где пролилась человеческая кровь, произошло убийство/наступление смерти (ср. воспоминания очевидца о состоянии здания во время восстания: *...зал был залит кровью, на полу валялись убитые и раненые*). По-видимому, размещение здесь школы и интерната стимулировало функционирование подобных мифологических представлений, носителями которых становились дети и подростки. Взрослые информанты сообщали, что не раз слышали подобные истории от учеников:

Не знаю, вот здесь у нас тоже вержится, как они говорят... Ну, кто-то ходит. Напротив вот у нас школа. (Ученики рассказывали?) Ну, я не знаю, но они говорят иногда. Но мне кажется, если кто что-то

знает, то, может, немножко побаиваются. А если никто не знает, что тут такая битва была... (А что за битва?) Старая. Восстание было в 19-ом году здесь, когда Колчак шел (с. Юрла, 2013).

Сходные истории рассказывают и о двухэтажном деревянном здании бывшего волостного исполкома (ранее – управы), где в 1919 г. размещался штаб повстанцев, были «чижовки» для арестованных, проводились допросы, пытки и, вероятно, расстрелы¹⁰. В настоящее время здание достроено и облицовано кирпичом, в нем располагается районный суд:

А говорили некоторые из суда, что там чудилось. Типа того, что дверь откроется или еще что... (с. Юрла, 2015).

Память о Гражданской войне проникает в пласт мифологической прозы не только в центре, но и в других населенных пунктах Юрлинского района. Иногда сами образы, которые «видятся» людям на опасных местах, навеяны реалиями ушедшей эпохи. Бывшая жительница д. Вылом рассказала о месте в лесу, где *задавил-ся мужик* и где боялись ходить местные жители:

А вот у нас там <у д. Вылом> была пасека, один раз на пасеку мужик, нет, женщина шла. Говорит: иду, это, по дорожке, там дорожка по лесу. <...> Иду, говорит, и раз! – на белой сивой лошади <...> как, говорит, мимо меня пронесся в пиlotte в солдатской... как-то раньше солдатская не пиlotte, а как она, шапка такая, с шишечкой еще... (Будёновка?) Будёновка, вот. В будёновке, говорит, на сивой лошади промчался мимо меня, говорит, по этой тропинке. Я успела только отвернуться, он мимо меня прогнал. Вот одна женщина только говорила, одна видела, больше никто не видал. Может, она и придумала, может, кто-то деревенские ехали (записали А.С. Беломестнова и М.В. Курочкина, с. Юрла, 2014)¹¹.

Места памяти в селах Усть-Зула и Юм

Локальные сражения и трагические инциденты, имевшие место в различных частях Юрлинской волости, в основном были продолжением тех событий, которые разворачивались в волостном центре. Кроме Юрлы, коллективные захоронения времен Гражданской войны имеются в селах Усть-Зула и Юм, в деревнях Вячина, Васькина, Сулай, Булычи (Лопан); в д. Большая Половина похоронены те, кого расстреляли красноармейцы [Бахматов 1999: 99–115]. В ходе полевых исследований авторами статьи были собраны сведения о функционировании памятных мест в селах Усть-Зула и Юм, в пос. Усть-Пышья и его окрестностях.

В с. Усть-Зула обращает на себя внимание сконцентрированность почитаемых объектов разных типов в одном, сравнительно небольшом, пространстве. Своего рода сакральный центр села отмечен храмом – деревянной Сретенской

церковью, 1873 г. постройки (с 1924 г. не действующей). Со стороны алтарной апсиды растут старые деревья: две березы и кедр. По сообщению Т.М. Штейниковой, занимающейся краеведческими разысканиями, ранее эти деревья располагались внутри церковной ограды, а под кедром был похоронен местный священник:

Там было больше берез. Там целая роща была вот таких высоких-высоких, у нас даже качели там были сделаны в детстве. <...> А мы чё, в детстве ничё не понимали, там о-о-о как качались!.. И тут похоронены священники под кедром, я маленькая была, еще могила есть. Священник там Наумов похоронен... или там два священнослужителя похоронены в этой церковной ограде были. Сейчас уже, конечно, ничего не видно давным-давно, всё перекопано... <...> Один-то точно, я в церковной книге нашла, что похоронен в церковной ограде. <...> Креста уже не было, а могилка была. Ну, и от отца, наверно, слышала... (Они не расстрелянные были?) Нет-нет, своей смертью! (записано совместно с М.А. Грановой, с. Усть-Зула, 2013).

На небольшом расстоянии от южной стены храма располагается братская могила времен Гражданской войны, отмеченная обелиском с красной звездой наверху и обнесенная по периметру прямоугольной деревянной оградой. Рядом с ней с внешней стороны стоит большой высохший тополь; местные жители отмечают, что его не рубят, и предлагают различные объяснения – от рационализированных (*просто никому дела нет*) до мифологических (*может, заветное что-то или что*) и историко-символических (*он ведь Гражданскую войну прошел, этот тополь-то*). По-видимому, старые деревья, растущие возле церкви и обелиска, воспринимаются многими усть-зулинцами как часть сложившегося мемориального комплекса, отражающего разные эпохи и воплощающего коллективную историческую память сельчан. Примечательно, к примеру, восприятие этого места, отраженное в одном из интервью:

Когда я в школе начала работать, еще березы эти все росли! И у меня была какая-то нотка такая ностальгическая по прошлому. Я туда водила всегда ребят и мы с ними писали потом сочинение, о чем могут рассказать березы, допустим, вот эти... (с. Усть-Зула, 2013).

В братской могиле под обелиском похоронены сторонники Советской власти, схваченные и расстрелянные повстанцами в январе 1919 г. [там же: 107]. Внутри ограды растет береза, акации и красные гвоздики; возле памятника мы обнаружили высохшие пихтовые ветви с лентой и новый венок – ритуальные предметы, показывающие, что памятное место продолжает посещаться. Раньше в революционные праздники сюда

приводили школьников, теперь же, по-видимому, посещения носят частный характер. Заметны, однако, и некоторые следы запустения мемориала (трава в ограде не скашивается, новые цветы не высаживаются)¹².

Рис. 3. Сретенская церковь и обелиск на братской могиле в с. Усть-Зула. Фото С. Королёвой, 2014 г.

При определенном сходстве функционирования юрлинского и усть-зулинского обелисков, между ними имеется и существенное различие. Жители Усть-Зулы вспоминают, что в Троицкую субботу в ограде памятника собирались старушки, расстилали скатерти, раскладывали на них еду и поминали погибших (которые были в основном местными жителями). В последние годы на поминки сюда приезжает Василиса Ивановна Иванова, пожилая жительница соседней деревни Новосёлово. Во время устной беседы она рассказала, что накануне Троицы ездит сначала помянуть своих родных, погребенных на усть-зулинском кладбище, а потом – лежащих в братской могиле. По словам Василисы Ивановны, раньше точно так же поступала ее мать, поскольку в числе погибших и похороненных под обелиском оказались мамин первый муж и родной брат (д. Новосёлово, 2013)¹³.

Иная структура «мемориального пространства» сложилась в с. Юм. Память о войне связывается здесь преимущественно с тремя объектами: обелиском, находящимся за ним пустырем, где ранее стояло деревянное здание (вероятно, временный военный штаб), и братской могилей без опознавательных знаков, расположенной в кладбищенском лесу в окрестностях села.

В одном из справочных изданий сообщается, что памятник погибшим в Гражданскую войну появился на центральной улице Юма к 50-летию установления советской власти [Конин 1976: 59]; о наличии здесь братской могилы в известных нам источниках не сообщается. Некоторое время назад позади обелиска была построена кирпичная стена с именами сельчан, погибших в Великую Отечественную войну, и теперь оба сооружения образуют единый мемориальный комплекс.

Рис. 4. Мемориал погибшим во время Гражданской и Великой Отечественной войн, с. Юм. Фото С. Королёвой, 2015 г.

По одной из зафиксированных версий, старый обелиск посвящен *красным делегатам из разных деревень*: в их числе был слеповатый старик, который заговорил с подъехавшими белогвардейцами «как со своими», после чего те их схватили и расстреляли в поле; лишь одному человеку удалось спастись:

Памятник-то всем шестнадцати. 17-ый человек, вот этот делегат, не попал сюда, он не расстрелян. Где он сейчас, я не знаю. Где похоронен, тоже не знаю (записано совместно с М.А. Брюхановой от Е.В. Дружинина, с. Юм, 2015).

Встречаются в наших записях и неуверенные предположения, что расстрелянные действительно покоятся под обелиском (*А может быть, их захоронили потом сюда...*).

Устный рассказ о событиях Гражданской войны как «снимок памяти», как правило, приурочен к определенному месту. Многим жителям Юма известна братская могила, которая находится в лесу, чуть в стороне от действующего кладбища. Говорят, что здесь никогда не устанавливались какие-либо памятные знаки; отсутствие памятника объясняется по-разному. Местный старожил Е.В. Дружинин полагает, что первоначально тут были похоронены убитые делегаты, но потом их тела увезли (об этом ему извест-

но со слов бабушки, 1898 г.р., которая хорошо помнила события Гражданской войны):

Только белые уехали, пожалуйста, они <родственники погибших> сразу с первого дня начали, кто куда, узнал – и развозить. Так что никто тут не остался в этой могиле.

По другой версии, в братской могиле были вместе похоронены как сторонники, так и противники новой власти, из-за чего в советское время обелиски здесь не был установлен.

Косвенно о подлинном характере братского захоронения свидетельствует тот факт, что вплоть до недавнего времени в Троицкую субботу, помянув своих родственников, некоторые пожилые женщины затем устраивали поминки и на этом месте:

Они ходили на Троицкую субботу, у нас обычно в ее поминают больше всего население здесь. Здесь <на кладбище> как базар, как рынок. Кто плачет, кто ревет, кто песни поет, значит, кто дерется... всяко бывало. (Больше никто их там не поминает?) Дак ходят, может быть, а кто? Следить – нет расчета (с. Юм, 2015).

В последнее время практика поминания на этом месте, по-видимому, сошла на нет; братская могила, как и ведущая к ней тропинка, заросли травой и кустарником.

Рис. 5. Е.В. Дружинин на братской могиле, с. Юм. Фото М. Брюхановой, 2015 г.

Третий объект, связанный с войной, находился неподалеку от обелиска; он не сохранился до наших дней, хотя хорошо памятен сельчанам. Это деревянное здание школы, а ранее – волостное управление, где в 1919 г., по-видимому, располагался штаб. В с. Юм зафиксированы устные рассказы о проводившихся там допросах и расстрелах:

Вот когда было юрлинское кулацкое восстание, здесь же тоже у нас боевые действия проходили. Воевали. И белые, и красные были. И вот где здесь бурьян, здесь было здание. <...> Вот в этом здании убивали, расстреливали и белых, и красных – кто ко-

го, я думаю, расстреливал (записано от Т.Ю. Моисеевой, 2015);

Ну, я слышала, что, когда было восстание, убивали. Папа говорит: «Мы в подвале сидели, нас бабка, мать держала в подвале»¹⁴. А потом их расстреливали, у нас школа тут была, в этой школе расстреливали. (Кого?) Этих, большевиков, которые на стороне большевиков были. Здесь когда... ой, забыла, какое войско проходило <...> Какой-то отряд проходил, и этих стреляли. Там даже в стенах пули видно было. <...> А вот это хорошо мне папа рассказывал. Он у меня с 1915-го года. <...> (Вы эти отверстия от пуль тоже еще помните?) Да, я что-то помню, показывали потому что. Там... закраслено только было. Стены были только покрашены. Побелены и покрашены (записано от Г.П. Хозяшевой, 2015).

Рис. 6. Здание волостного управления, с 1922 г. – школа, с. Юм. Фото из архива Юмской школы

Для современных сельчан воспоминания о Гражданской войне оказываются частью семейной истории, отражают опыт поколения их дедушек и бабушек, реже – родителей. В некоторых случаях рассказы укладываются в сюжетную схему фольклорного типа, как, например, в истории о сбывшемся предсказании:

И вот мне бабушка рассказывала, что, когда у нее мужа тоже поймали, туда посадили, там был поп. Они, по-моему, говорили, Иван Иваныч какой-то поп был. Старенький. Он говорит: «Тебя-то отпустят, а меня убьют». Ну, попов-то же расстреливали. <...> И вот бабушка мне говорила по папиной линии, что у нее муж, получается, мой дедушка, тоже сидел в этом здании. Его отпустили, а попу расстреляли... (записано от Т.Ю. Моисеевой, 2015).

Как и другие локусы, связанные со смертью, бывшее здание штаба приобрело в локальной традиции репутацию «нехорошего» места, где может мерещиться, чудиться:

И там прямо, говорят, что расстреливали и кидали в подвал. И вот там раньше, в этом здании, говорят, как бы чудилось. Потому что там убили очень много людей. Вот это здание не очень так... ну, может, лет пять его уже нету.

И до нее жила там женщина тоже, она вышла на пенсию. Я так помню четко, она рассказывала, что вот они, допустим, спят на первом этаже, а на втором этаже слышится, что как бегают кто-то по партам. И вот когда мы там стали жить, <...> она <мама>, допустим, уходила за водой на колодец, <...> я боялась оставаться в этом здании одна и всегда выходила на улицу.

Я слышала однажды. <...> Как будто вот таз покотился по лестнице со второго этажа. У меня тогда замерло дыхание. И я долго не могла, наверное, выдохнуть. Да, вот это я хорошо помню! Ну, вот в этом здании, то что там расстреливали людей... (все записи – с. Юм, 2015 г.).

В Юрлинском р-не места, где вержится, достаточно часто связывают с Гражданской войной и в тех случаях, когда причины этой связи не вполне очевидны рассказчику; далекая война выступает как своего рода хронологический ориентир, точка отсчета:

А вот этот вот у нас Комаринский угор, когда спускается, говорят, что там какая-то белая женщина, типа того что-то. Это, наверное, еще с времен войны. (Со времен войны какой? Гражданской?) Наверное, а больше с какой (д. Чёрная, 2015).

Таким образом крестьянское сознание фольклоризует места гибели, обосновывает ритуальную значимость «видений»¹⁵.

Коллективные поминки у обелиска: случай Усть-Пышья

Мы видим, что по мере удаления от административного центра памятные места, связанные с событиями ранней советской истории, начинают параллельно включаться как в официальные, собственно гражданские, так и в неофициальные, народно-религиозные и мифологические, ритуалы и практики. Еще более ярко эта тенденция проявилась в микролокальной традиции, сложившейся в пос. Усть-Пышья, ныне не существующем¹⁶.

Усть-Пышья располагалась в отдаленной восточной части района, в 20 км от ближайшего пос. Чугайнов Хутор, и в последние годы не имела транспортного сообщения с другими населенными пунктами. Она возникла как леспромхозный поселок в конце 1940-х – начале 1950-х гг., население Усть-Пышья составили уроженцы соседних деревень и многочисленные приезжие: украинцы, белорусы, молдаване. В 1990-е гг., когда большинство леспромхозов вынуждено было остановить свою деятельность, жители стали разъезжаться (подробнее о традициях этого поселка на момент закрытия см. [Четина, Колегова 2015]). Вплоть до 2014 г., когда Усть-Пышья прекратила существование, ее жители совершали на Троицкой неделе сложные по своей структуре поминки: кроме могил родст-

венников, похороненных на кладбище возле д. Булычи, они устраивали коллективное поминовение у памятника погибшим в годы Гражданской войны и на Польском кладбище. Последовательность посещения этих памятных мест практически не менялась.

Братская могила появилась возле коми-пермяцкой д. Булычи (Лопан) в 1919 г., когда белогвардейцы расстреляли здесь 14 человек, сочувствовавших Советской власти. За исключением одного человека, имена их неизвестны; среди казненных были агитаторы, а также эвакуированные из городов Березники, Соликамск, Услолье, в т. ч. женщины [Бахматов 1999: 104]. Воспоминания местных жителей об этом событии записала Л.П. Пятковская, знаток локальной традиции, когда занималась краеведческой работой со школьниками пос. Усть-Пышья. К сожалению, записи, по-видимому, не сохранились; выясненные ею подробности Любовь Петровна пересказала по памяти:

Там, знаете, эти были, типа революционеры. Избачи, как говорили. Ходили по деревням, читали, агитировали. Вот, они в Лопан пришли, их там предали просто... (А кому предали? Кто их убил?) Беляки были, у нас же тут тоже Гражданская война была, они мимо проходили, вот и расстреляли. Там до сих пор ямка есть, где их расстреляли... Одна женщина была, остальные мужчины. <...> Убили беляки. Местное население ночью похоронило. (Сразу на этом месте?) На этом. Просто памятник не ставили, потом только, когда уже все установилось, поставили памятник. Насильственная смерть самого предателя интерпретируется как заслуженное наказание: Однорукий у нас Илья был, вот, у него, говорят, отец убил. Не убил, предал. А потом его тоже так же убили. <...> Он был просто такой человек...зверский...

Рис. 7. Братская могила и обелиск
возле заброшенной д. Булычи.
Фото С. Королёвой, 2014 г.

Братская могила находится у лесной дороги, примерно в 6 км от Усть-Пышья¹⁷. Похороненных здесь жертв Гражданской войны многие годы поминали жители д. Булычи; потом деревня опустела, но обычай остался частью поминального обряда усть-пышьянцев. На сегодняшний день обелиск выглядит неухоженным, его ограда заросла, однако до недавнего времени памятник поддерживался в хорошем состоянии. В определенный день сюда привозили школьников, с которыми приезжали и взрослые. Организованные поездки прекратились, когда школу закрыли, однако в частном порядке люди продолжали приходить к обелиску, пока существовал поселок.

Примечательно, что о своих поездках к братской могиле рассказали все без исключения усть-пышьянцы, с кем нам удалось побеседовать; в их воспоминаниях в качестве типичного времени посещения этого места фигурируют не революционные праздники, а Троицкая суббота. В данной локальной традиции большое значение придается казению могил, поэтому местные жители сначала кадят, т. е. обносят горящей кадильницей, могилы родственников на кладбище, потом – тех, кого некому помянуть (всякие, у которых нету своих, тоже всех кадим), а затем и стоящий поблизости обелиск:

(На могилу времен Гражданской войны тоже помянуть ездили?) Да. Каждый год. (А в какой день?) Также в этот же. С могильника едут и заезжают. <...> (Мужчины тоже ездили? Вы ездили?) Конечно, я раньше ездил, а сейчас чего, у меня здесь никого нету, все в Зуле похоронены (записано от В.А. Петрова).

Всякие, женщины и мужчины ездили. (А с собой какую-то еду поминальную брали?) Да. Поминали, все берешь. <...> (А какие слова говорили?) «Помяни, Господи, всех». Мы же не знаем, кто схороненный. Это когда война была, в войну-то кладбище сделали. <...> Каждый год ездим... (Там родственников ведь ни у кого нет?) Только погибли кто. (Вы их поминаете почему?) Они одни, никто не поминает (записано от А.И. Бголюбовой).

(Их, получается, всех вместе поминают?) Да, всех вместе. (А как говорят? Помяни, Господи, кого?) ...Убиенных просто. Они же не были воинами, поэтому просто убиенные (записано от Л.П. Пятковской).

Более подробно о ходе этого коллективного поминального обряда рассказала пожилая жительница Усть-Пышья Н.А. Федорова:

Съездишь сначала на кладбище по своим могилкам, а потом, если кто хочет, едем туда на общую. <...> Ворóтчики открываешь, туда заходишь, у кого есть что осталось, туда накладываешь. <...> У кого своя скатёрка, я зашла, дак моя скатёрка, другой зашел, дак его. (Ограда же тесная?) Это сейчас только так, раньше она большая была. Раньше была большущая. <...> Заходишь там, сядишь. У кого что есть, у кого брага, у кого пиво. (Там тоже кадить надо?) Кадят. Кто первый захо-

дит, тот всё кадит. <...> Потом уж следующие заходят. Вначале покадят, потом еду-то ложить. (...А молитву говорили, когда кадили?) Ну дак, а чего, как там не скажешь? «Дай Бог, чтобы война не была, спасибо, что вы нас спасали». <...> Потом посидим, поедим, попьем, чего там, недолго. И обратно едем, домой¹⁸.

Описывая обряд, она, как и другие рассказчики, привела пример молитвенных формул-обращений к умершим, в том числе довольно развернутых:

Я вот обычно выхожу и говорю: «Спасибо за то, что вы нам жизнь дали, спасибо за то, что вы воевали. Мы сейчас живем, конечно, вас не знаем, как всех зовут, имена-то мы не знаем у всех у вас. Спасибо за то, что мы сейчас живем, вас, конечно, не забудем, будем поминать». Вот так вот я всегда говорю, а молитв я не знаю никаких...

Приведенные тексты интересны тем, что в традиционную жанрово-стилевую форму (обращение к умершим, сетование на незнание их имен, обещание новых поминок) облечены некоторые идеи, типичные для советской гражданской речевой мемориализации (восприятие погибших как героев, а их смерти – как подвига, благодарность потомков за возможность жить мирно).

Польское кладбище: чужое как свое

У обелиска «поминальный маршрут» усть-пыщинцев не заканчивался. Вернувшись в поселок, некоторые женщины шли еще поминать на Польское кладбище. Этот локус исторической памяти связан с трагичными событиями другой эпохи – начала 1940-х гг., когда после раздела Польши было утверждено Положение о спецпоселении и трудовом устройстве бывших военных (т. н. *осадников*), выселяемых из западных областей УССР и БССР, в результате чего вглубь России были переселены тысячи польских семей. Часть из них была отправлена в Пермский край (тогда – Молотовскую обл.); на 1 марта 1941 г. в спецпоселках области проживали 1 903 семьи, или 9 160 чел. [Поляки в Перм. крае 2009: 163–164]. Появились спецпоселенцы и в Юрлинском районе: так, в д. Булычи числилось 100 чел., в пос. Усть-Пышья – 120, в соседнем пос. Конанов Бор – 150, в пос. Сюрол – 170 [там же: 168–169]¹⁹. Известно, что в процессе переселения людям не обеспечивались должные условия, из-за чего многие из них погибали уже в дороге. По прибытии на место основными причинами высокой смертности становились неудовлетворительные бытовые условия и тяжелый физический труд²⁰. В 1941 г. была объявлена амнистия польских граждан, их статус изменился, положение несколько улучшилось; многие поспешили покинуть Молотовскую область, однако некоторые остались здесь до окончания войны.

Когда в начале 1950-х гг. Усть-Пышью начали отстраивать как большой леспромхозный поселок, переехавшие сюда жители обнаружили на ее территории кладбище польских спецпереселенцев:

Ю.А.: Лес такой, вот эти елки остались. Л.П.: Тут кладбище осталось, лес остался. (Прямо здесь кладбище?) Л.П.: Да, часть у нас в огород зашло кладбище. <...> Ю.А.: Да, да, поляки-то захоронены вот тут (записано от Л.П. и Ю.А. Пятковских).

Оградка была, обычная оградка детсадовская. Ягоды тут кругом, грибы. <...> (А кто-то говорит, там огород?) Огород был садовый. Картошку садили, морковку, капусту (записано от Н.А. Федоровой).

Памятники там не стояли. У этих, у поляков, не ставили ни кресты, ни памятники, так запоминали просто. <...> Потому что как их считали, что они враги, так и хоронили. <...> Тут бабушка жила, по соседству... Потом, перед смертью, она меня позвала, пойдём, говорит, расскажу и попрощаюсь, вот тут похоронены те-то, те-то, поминайте, когда меня не будет. (А вы до этого не знали, что там кладбище?) Знали. Мы кости много выкапывали. По всему поселку собаки носили. <...> Она меня еще перед смертью привела: «Люба, не забывай, вот здесь целый эшелон поляков похоронен у нас». Которые ехали сюда, целый эшелон сбросили, а у нас тут осталось, наверное, 5–6 могил, а тут уже огород сделали, перепахали всё, вот (записано от Л.П. Пятковской).

Несмотря на то, что тема польских спецпереселенцев считалась «закрытой» и воспринималась как небезопасная, устная память сохранила многие обстоятельства их появления на юрлинской земле. Местные жители рассказывают о них с очевидным сочувствием:

Это противники, но все равно жалко, люди же были. Их тут бросили, а потом огороды пахали, черепа распахивали, останки находили эти, зарывали потом. Дети были, семьи были, не доехали даже, сразу похоронили. <...> Сюда, на работу везли их, они не выдержали, голод был, голодное время. Некоторые вытерпели, некоторые не вытерпели. <...> Жили еще зачастую в землянках, у нас до сих пор землянки сохранились, основы землянок, всяко было... В лесу жили прямо некоторые (записано от нее же).

В связи с закрытием поселка для жителей обострилась проблема сохранения памяти о погибших:

Вот елочки на кладбище остались, я нынче говорила с главой нашей, чтобы мы вот выезжаем, а тут памятные дощечки набить, что польское кладбище.

На момент проведения полевых исследований Польское кладбище представляло собой небольшую группу елей, растущих на огороженном участке, между частными покосами и огородами. Под елями сложены доски, на которые садились женщины, приходившие на поминки; в траве просматривалось несколько могильных холми-

ков. Мимо них проходила тропинка, у которой, по сообщениям местных жителей, в более позднее время было похоронено несколько усть-пышшинских детей, чьи родители по разным причинам не могли отвезти их на кладбище в д. Булычи. Возможно, наличием этих поздних детских могил объясняется определенная половозрастная дифференциация участников поминок, проводимых у обелиска и на Польском кладбище: в первом случае в обряде могли участвовать все, во втором – только взрослые, причем преимущественно женщины.

Рис. 8. Вид на Польское кладбище, пос. Усть-Пышья. Фото С. Королёвой, 2014 г.

Как следует из интервью, на Польское кладбище приходили поминать прежде всего детей, обряд носил коллективный характер и при этом включал все традиционные элементы: кажение могил, расстилание скатерти, ритуальную трапезу, молитвы и обращения к умершим:

Там опять ходили только взрослые. Вот здесь люди жили которые, ранешние-то, у них тут дети похоронены. Вот Маруська Харлапенко тут когда-то жила и работала, у нее тут дочь лежала, у садика-то. Вот мы обычно на этой могилке раскладываемся. (А что говорите?) А что говорим? «Прими нас, Господи, пожалуйста. Мы пришли к тебе в гости». А кто там, дочь-то даже не знаю, как звали, девку-то у нее. «Ты ждала нас, мы пришли, тебя проведем, помянем тебя. Помяни, Господи, с молитвой, со крестом». Вот и всё (записано от Н.А. Федоровой).

Поминая «своих», пожилые женщины вспоминали и похороненных рядом польских спецпоселенцев:

(А как их называете? Помяни, Господи, кого?) Да кто уж есть. Помяни, Господи, кого не знаем. Не знаем мы, какие там поляки-то. Много их было когда-то (записано от А.И. Боголюбовой).

Иногда подчеркивается, что поминки носили именно общий характер:

А сидят-то ведь у поляков на могилках. Просто запугали, что нельзя поляков вспоминать, потому что такое время было. Про поляков никто ничего не

говорил. До сих пор так... пало в душу. А нам все равно жалко. <...> (И как тогда надо их поминать?) Мы обычно только и говорим: «Помяни, Господи». Больше ничего не знаем (записано от Л.П. Пятковской).

О том, что Польское кладбище со временем начало восприниматься, скорее, как «свое», говорит примечательный факт: те жители Усть-Пышья, которые по каким-то причинам не могли в Троицкую субботу поехать на кладбище в Булычи, приходили помянуть своих родственников сюда:

В прошлый год мы на кладбище-то не ездили, у меня муж умер, вот шестой год лежит. Мы тут ходили, у садика-то. Тоже придем так же, разложимся, покадим, посидим, поедим, поьем да и обратно пойдем. <...> Нынче летом кто-то ездил туда <в Булычи>, Сашка вот сын да еще, а мы тут опять, сноха, я да ребята, тут ходили к садика (записано от Н.А. Федоровой).

Некоторые жители приходили на Польское кладбище не в Троицкую субботу, а в Семик:

В четверг у нас уезжают, у кого дальше родственники похороненные, а у кого нет никого, тот сюда приходит.

Отдельные семьи старались в Семик или Троицкую субботу съездить еще в заброшенный пос. Конанов Бор, 7 км от Усть-Пышья, который тоже возник в начале 1940-х гг. как спецпоселение. Когда его преобразовали в леспромхозный поселок, кладбище в Конаново Бору поделилось на две части – польскую и русскую:

Понимаете, одна сторона русского кладбища, одна сторона польского кладбища. <...> Мы раньше ходили в Конаново, потому что у нас там сестры были похороненные, заходили. А сейчас когда на рыбалку идем, заходим. Больше никто не приходит, еще одна семья ходит... Там несколько могилочек заметны, еще оградки стоят, крестики стоят на нашем кладбище-то. А на том кладбище, на Польском, там уже одни бугры. Там его уже никто не знает, только мы, наверное, последние остались, кто помнит... (записано от Л.П. Пятковской).

Теперь заброшенное кладбище в Конановом Бору переходит в разряд «страшных» лесных мест, которые стараются обходить стороной:

Эти мужики, они никогда не заходят, потому что боятся. <...> Жутковато идти одному, это у меня чувство страха нету, а некоторые боятся все равно... потусторонняя сила, еще что-то.

Необходимость поминать «забытых» покойников – характерная черта коми-пермяцкой культуры. В случае Усть-Пышья интересно то, что выходцы из разных регионов усвоили эту народную традицию (вероятнее всего, под влиянием жителей соседних коми-пермяцких деревень) и семейные поминки дополнились тут коллективным ритуалом общего поминовения. Усть-пышшинцы долго хранили воспоминания об ис-

торических событиях в их конкретной локальной приуроченности, теперь же пространство опустевшего поселка стало памятником самому себе, и природа постепенно поглощает сформировавшийся здесь культурный ландшафт, в том числе сакрализованные локусы, вокруг которых концентрировалась коллективная память.

Локальная традиция и историческая память

В какой мере типичны, универсальны, а в какой специфичны те формы мемориализации исторических мест, которые обнаруживаются в Юрлинском районе? Понять это помогают материалы, относящиеся к другим этническим и региональным традициям. Так, в соседнем Кочёвском р-не, на некотором отдалении от с. Юксеево, тоже существовали поселки спецпереселенцев: Коврижка, Серва, Велтас, Станамыс и др. Пожилые коми-пермячки ходили поминать умерших переселенцев (в основном белорусов) из д. Велтас, которые были похоронены на особом кладбище, в месте под названием Курганайн (Курганай). Необходимость таких поминок иногда мотивировалась верой в *мыжу* – наказание в виде внезапной болезни, которую насылают умершие за отсутствие положенных поминальных обедов:

А они теперь мыжу могут наслать. Они просто так-то не могут, а только если их кто знал или видел – может, приходили что-то поесть просили с голоду.<...> Вот старушки и ходили <помянуть> (с. Юксеево, 2001).

Таким образом, кладбище спецпереселенцев встает в один ряд с другими местами, на которых кочевские и косинские коми-пермяки устраивают коллективные поминки: старинными заброшенными кладбищами, *чудскими могильниками*, где похоронены *первые/старые люди*. В с. Юксеево этнографом Т.Г. Голевой и этномузыкологом С.А. Фадеевой был записан вариант народной молитвы, где кладбища, возникшие в советское время при спецпоселениях, упоминаются наравне со старинными почитаемыми местами (подробнее об этом см. [Королёва 2014: 127, 136–140, 144–145]):

Я еще читаю там могильнику. Вот у нас Таркõмыс, Кыдыскуштармыс. Старинные, первобытные когда люди были, в Чазёвом есть. Потом репрессированные. Могильник. Очень большие тут у нас покороненные: Коврижка, Станамыс, Курганай... Все могильники перечитаю.

Несколько иная ситуация зафиксирована у бесермян в Удмуртии. Этнограф Е.В. Попова констатирует, что места боев, братские захоронения и отдельные могилы времен Гражданской войны со временем стали восприниматься здесь как сакральные объекты. Обрядовые практики и нормы поведения, связанные с этими местами, во многом

определяются традиционными представлениями, связанными с «заложными» (умершими неестественной смертью) покойниками. Считается, что души солдат продолжают находиться у мест гибели или погребения и «беспокоить» живых. Такие локусы осмысляются как *опасные, плохие*: здесь теряется скот, блуждают люди. Тут нельзя сидеть и останавливаться, подбирать предметы, поскольку можно заболеть; проходя мимо, желательно оставлять там кусочки пищи, соль, монетки. На таких местах *видится*, свое «присутствие» погибшие выражают тем, что внезапно появляются перед людьми в облике мужчины, солдата, как правило, в военной форме времен Гражданской войны. Погибшие могут присниться и попросить поминальную еду, такие сны истолковываются как просьба их помянуть [Попова 2011: 200–202].

Этнограф отмечает, что места погребения бойцов почитаются одинаково, независимо от их принадлежности к Красной армии или белогвардейскому движению. Различие заключается в том, что могилы первых часто отмечены обелисками и до недавнего времени были связаны с советской праздничной культурой. Сведений о посещении таких мест в дни поминок не зафиксировано. Определенное исключение составляет могила двух солдат на старом почитаемом бесермянами кладбище *бигэршай* (само появление которой в этом локусе объясняется войной как чрезвычайным обстоятельством). Перед выходом на посев жители специально шли на это старое кладбище поклониться предкам и одновременно помянуть погибших солдат [там же: 202–203].

Известны традиции, где братские захоронения времен Гражданской войны осмысляются, скорее, в категориях «чудесного» места, а их почитание носит выраженный народно-православный характер; со временем некоторые такие локальные культы получают поддержку со стороны церкви. Так, на Кубани, в станице Губской, в 1921 г. было расстреляно несколько казаков и священник. Казненные были лишены традиционного погребения. Однако, по свидетельству жителей станицы, священник перед расстрелом отслужил панихиду по себе и другим приговоренным. Среди станичников бытует рассказ о том, что спустя некоторое время местная жительница, родственница одного из расстрелянных, пришла на место их гибели, где ей было видение: она увидела казненных сидящими верхом на белых конях, они направлялись в сторону востока [Кузнецова 2015: 312]. В станице Келермесской на месте расстрела казаков было видение Богородицы, там поставили часовню²¹.

Тенденция к воцерковлению народных культов проявляется и в Сибири; здесь типичными объектами, к которым приурочивается историче-

ская память, оказываются почитаемые родники, а важным механизмом их сакрализации становятся устные рассказы о явлениях икон, видениях в воде ликов Богородицы и других христианских святых [Любимова 2012: электр. ресурс; Любимова 2013]. С Гражданской войной связан один из наиболее почитаемых источников Алтайского края. Во время сибирских крестьянских восстаний 1920–1921 гг., когда обе противоборствующие стороны проявляли особую жестокость, в с. Сорочий Лог расстреляли и зарубили шашками 12 местных жителей – повстанцев, тела которых были сброшены в овраг, куда крестьяне сваливали назем и мусор. Вскоре начались «особые» сны и видения у родственников погибших, а когда *мощи* перезахоронили, на месте их гибели *открылся* источник, к которому стало стекаться большое количество верующих. В крестьянской среде быстро сформировалось восприятие казненных как *невинных мучеников, невинно убиенных, пострадавших за веру, даже святых*. Легенду поддержало местное духовенство, посещение нового источника было включено в обходы полей в случае засухи [Любимова 2013: 32–33]. Жители села, зная убитых поименно, поминали их на братской могиле; в 1924 г. возвели сруб над источником и часовню, которые были разрушены представителями власти. Несмотря на различные меры по десакрализации локуса, почитание святого ключа продолжилось: дважды в год к нему совершался крестный ход, в том числе в день св. Иоанна Предтечи, когда православная церковь поминает убитых на поле брани воинов; крестьяне приходили сюда, чтоб избавиться от болезней, оставляли подношения (деньги, отрезки холста) [там же: 37, 39–40].

Чудеса, происходившие на роднике, нашли отражение в старообрядческом сочинении «Повесть о святом ключе»: там описаны многочисленные исцеления, в том числе от *трясовичной болезни* (бесноватости), видения в воде ликов святых, а также самих убиенных. Хотя погибшие не были старообрядцами, автор повести описывает их как последователей «истинной веры» [там же: 33–35, 37]. Этнограф Г.В. Любимова отмечает, что в новейшее время возрождение культа происходит под патронатом церкви: в селе появился женский скит, ведется строительство храма, на *святом месте* сооружен сруб, настил и навес, к роднику проводятся крестные ходы с участием духовенства, устраиваются массовые крещения для детей и взрослых, верующие увозят отсюда сосуды с водой, песком и глиной. На смену «стихийным народным религиозно-обрядовым практикам» приходят «организованные формы религиозного паломничества и туризма» [там же: 40–41].

В Новосибирской области сходным образом почитается источник, находящийся в пос. Ложок. Считается, что подземный ключ забил на месте массовой гибели заключенных в одном из пунктов Сиблага, чья смерть была вызвана условиями работы в известковых карьерах. На стенде у святого ключа написано: «Там, где <...> проливалась кровь человеческая, начинают бить родники». В настоящее время в поселке открыт храм, главной святыней которого считается икона Пресвятой Богородицы «Живоносный источник»; весь культовый комплекс воспринимается как *памятник безвинно пострадавшим за веру* [там же: 35–36].

Приведенных для сопоставления материалов достаточно, чтобы обнаружить, что формы почитания исторических локусов, возникших в сравнительно позднее время (менее 100 и даже менее 70 лет назад), в значительной мере различаются, их специфика определяется в первую очередь особенностями местных народных традиций²².

Поиск и интерпретация следов прошлого, укорененных в традиционном ландшафте, помогает осмыслению механизмов фольклоризации, сохраняющих свою актуальность. Исследованные нами юрлинские материалы показывают, что на территории «русского острова» конкретные способы мемориализации локусов, связанных с событиями ранней советской истории, образуют своего рода спектр возможных вариантов – с преобладанием официальных (с. Юрла) или народно-традиционных (пос. Усть-Пышья) форм почитания. Во втором случае памятные места «вписываются» в ряд сходных локусов на основе актуальных для данной традиции моделей, например, осмысляются как «нечистые», «опасные» (здания, где пролилась кровь, наступила чья-то смерть; заброшенные кладбища) либо стимулируют возникновение специальных поминальных практик (братские могилы). Основу для таких обрядов составляют календарные поминки по умершим родным, но ритуал из семейно-родственного становится общим, коллективным. Обелиски как объекты воинской славы, несмотря на их позднее появление, наравне с более традиционными памятными местами, сакрализуются и формируют современный историко-культурный ландшафт поселений.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-14-59601.

² Авторы выражают искреннюю признательность за содействие в проведении полевых исследований заведующему Юрлинским историко-краеведческим музеем А.А. Бахматову, библиотекарю Е.И. Штейниковой, администрации Усть-Зулинского сельского поселения и непосредст-

венно С.И. Иванову и З.С. Мельчаковой, директорам школ Н.А. Топорковой и Т.В. Мазеиной, а также жителям района Т.М. Штейниковой, Т.Ю. Моисеевой, Ю.А. Пятковскому, Л.П. Пятковской, Н.П. Мироновой.

³ Даты приведены по старому стилю; в источниках фигурирует и другая дата начала восстания: в ночь с 6 на 7 января 1919 г.

⁴ Так, в числе похороненных под обелиском в с. Юрла значится начальник разведки Гамаюнов, который был привязан повстанцами к двум лошадям и разорван на части; рабочий Билимбаевского завода, коммунист В.П. Никитин был схвачен колчаковцами в бою за д. Кадчина в феврале 1919 г. и после пыток живым закопан в парке с. Юрла (впоследствии перезахоронен в братскую могилу) [Бахматов 1999: 111–112]; пойманным в д. Вятчина красноармейцам-разведчикам на груди и спине вырезали звезды, отрезали уши и носы; схваченный красноармейцами житель д. Большая Половина был поднят на штыки и брошен в пламя горящего здания [там же: 100–101].

⁵ О том, что в крестьянской среде подобный жест должен был выражать крайнюю степень оскорбления, косвенно свидетельствуют и лингвистические факты: как известно, в русском языке для обозначения смерти человека и животного используются различные лексемы, к смешению которых крестьяне относятся очень чувствительно. Выразительный пример находим в воспоминаниях жительницы с. Полва Кудымкарского района Г.Н. Анфёровой, когда автор описывает реакцию своей бабушки на письмо с официальной формулировкой, полученное ею во время Великой Отечественной войны: «В 1942 году она получила это письмо с известием, что ее муж Анфёров Владимир Васильевич, рядовой стрелкового полка, числится как без вести пропавший. <...> Ее поразило слово “пропавший”, прописанное в письме. “Что он, скотина какая?”, – помню, сокрушалась она» (Анфёрова: рукопись; курсив в цитате наш – С.К., Е.Ч.; выражаем признательность Н.М. Тепловой за возможность воспользоваться источником). Ср.: в пермских говорах *пропастина* – ‘труп животного, падаль’; *пропаций* – ‘умерший, издохший’ (о скотине) [СПГ 2001: 293].

⁶ Подобная практика осуществлялась и за пределами Коми-Пермяцкого округа: красноармейцев, расстрелянных в с. Юрич (современный Карагайский район), похоронили на скотском кладбище, располагавшемся примерно в 2,5 км от села. Благодарим лингвиста И.А. Подюкова за сообщенные сведения.

⁷ По устному сообщению А.А. Бахматова, внутри церковной ограды (т. е. там, где традиционно погребали представителей духовенства и

наиболее уважаемых прихожан) были похоронены те, кто поддерживал белогвардейцев; несколько солдат-белогвардейцев, погибших в бою, было похоронено в церковной ограде и в с. Усть-Зула [Бахматов 1999: 108–109].

⁸ Подобный случай в Юрлинском районе не единичный: такая же ситуация обнаруживается в с. Усть-Зула, а на приграничных территориях, к примеру, в коми-пермяцком с. Юксево Кочёвского района. Вероятно, практика располагать братские могилы рядом с церковью была достаточно распространенной, поскольку зафиксирована она и в других регионах. Так, в Зауралье обнаружены две братских могилы, отмеченные обелиском со звездой и обнесенные церковной оградой с крестами-навершиями; другую братскую могилу времен Гражданской войны местные жители разместили на древнем кургане и также обнесли кованой церковной оградой [Пичурина 2007: электр. ресурс]. Указанные случаи вписываются в более широкую тенденцию концентрировать почитаемые объекты различных типов в одном месте; к примеру, в одном из сел Удмуртии рядом располагаются почитаемое бесермянами старое кладбище *бигэришай*, действующая православная церковь и памятник землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны [Попова 2011: 204].

⁹ Здесь и далее, если иного не указано, тексты записаны авторами статьи; мифологические рассказы (до сих пор представляющие собой во многом закрытую, непубличную информацию) приводятся без сведений о рассказчиках. Список информантов см. в конце статьи.

¹⁰ Описание условий, в которых содержались арестованные, находим в воспоминаниях А.И. Комаровой, которую повстанцы захватили в с. Юм и привезли в Юрлу: «...меня втолкнули в арестантскую, в которой столько было набито людей, что, как говорится, яблоку негде упасть. Все они стояли, т. к. сидеть было негде, не хватало места, так что нам троим пришлось стоять у самых дверей, у порога. <...> Перед наступлением партизанских отрядов на Юрлу бывший стражник прочитал нам приговор: всех к расстрелу, но не поодиночке, а под пулемет» [Бахматов 1999: 90].

¹¹ Ср.: всадник на коне (не воспринимаемый как воин) может предвещать скорую смерть: *Пришел он к нами и говорит: «Мне што-то неладно будет в семье». Отцу нашему говорит мужчина, отец спрашивает: «Почему?» Пони маешь, говорит, я сейчас шел из бани... из бани вышел, на него из тумана всадник на коне налетел, белый всадник и белая лошадь. Я, говорит, не мог посторониться, лошадь меня копытом задела. <...> Не сняк, ничего не было, но, гово-*

рит, копытом лошадь задела, это, говорит, наверное, очень плохо, што-то со мной случится. И действительно, он потом долго не пожил, у него туберкулез начался в легких. Мы с тех пор в этот дом... хоть там сейчас сено, траву косим, но нам жутковато в этот дом заходить (пос. Усть-Пышья, 2014).

¹²Рядом со старой церковью функционирует молеальный дом; по устным сообщениям жителей, некоторые из его прихожан настаивают на том, что братская могила должна быть предана забвению, поскольку в ней похоронены атеисты и «безбожники». Хотя большинство усть-зулинцев не разделяет эту точку зрения, возможно, она начинает влиять на отношение к памятнику.

¹³Поминание погибших красноармейцев зафиксировано нами также в соседних коми-пермяцких районах. Так, в с. Юкеево Кочёвского р-на в конце 1990-х гг. пожилые женщины приходили на поминки на братскую могилу неподалеку от церкви. В Косинском р-не одно из братских захоронений расположено недалеко от райцентра, на лесной кордонской дороге; косинцы рассказывают, что раньше туда ходили поминать убитых. В этом же районе в Троицкую субботу поминали жертв Гражданской войны и в ограде памятника в д. Чураки.

¹⁴Эта деталь встречалась и в воспоминаниях другой жительницы Юма, 1898 г.р., о чем рассказала ее внучка: *Приходилось сидеть в подвале. Потому как приходят одни: «Вы за кого?» Мы, говорит, не знали за кого. Если мы скажем, что за красных, то вдруг белые нас забьют, если мы по-другому скажем, нас тоже. Поэтому, говорит, всё сидели там* (записано от А.Б. Кадочниковой, с. Юм, 2015).

¹⁵*Видеться* может и на одиночных захоронениях времен Гражданской войны, особенно расположенных в «неправильном» месте; подобные истории фиксируются в различных районах округа: *Например, где стоит наш дом, рядом жил помещик. И на месте нашего дома, огорода, было поле. И когда красные отряды пошли, он побежал по полю, вот это я помню, что мать рассказывала, по полю он побежал, его застрелили и тут же закопали. Мать рассказывала, что она вышла замуж за моего отца и вот они жили уже вместе здесь, и те две дочери <убитого помещика> приезжали и сидели на меже, примерно где он захоронен, поминались. И я <...> видела, там человек стоит, вот натурально стоит человек. Вот когда темная ночь, вот голова, вот плечи, все, стоит человек. Вот именно на меже в конце огорода... Вот как-то не сообщали, что, может быть, на самом деле надо помянуть. Родители поняли, что это как привидение, что кажется это, а не перевели на то,*

что он тут захоронен и его надо помянуть, может быть. И вот как говорят, к этому месту надо идти всей семьей. Если что-то увидели, такое непонятное, может быть, человеческому понятию, туда надо идти всей семьей, чтобы не было беды (п. Гайны, 2014 г.). В этом рассказе уроженки Кочёвского р-на примечательно представление о поминках как способе избавиться от видений убитого соседа.

¹⁶В конце 2014 г. завершилась реализация государственной программы по переселению жителей удаленного и труднодоступного пос. Усть-Пышья в село Юрла. Авторы статьи, а также участница экспедиции Е.А. Ключикова, побывали в поселке летом 2014 г.; на тот момент в Усть-Пышье проживало 20 чел.

¹⁷Сегодня сложно сказать, что определило такой выбор пространства: скорее всего, жители похоронили погибших рядом с местом расстрела, опасаясь привлечь внимание белогвардейцев. Однако специфический локус (лесная дорога) мог быть выбран для братского захоронения и потому, что расстрелянные были не местными, пришлыми, т. е. *чужими*.

¹⁸На обратном пути некоторые заворачивали к кенотафу, но еду не раскладывали: *Потом приедем к братской могиле, потом у нас тут еще один парень разбился, у него тоже собираются посидеть... На машине разбился, молодой еще совершенно парень был. <...> Просто пойдём, посидим, вспомним. <...> Говорят, что где разбился, там и душа летает. Там моги хранятся в могиле, а душа здесь, на свободе* (пос. Усть-Пышья, 2014). Способность приспособить поминальный ритуал к новым реалиям свидетельствует, на наш взгляд, о пластичности и жизнеспособности, которые были присущи данной традиции.

¹⁹Данные по состоянию на 9–24 мая 1940 г.

²⁰Представление об условиях, в которых оказались польские спецпереселенцы в Северном Прикамье, дает отчет облздравотдела за 1940 г.: «Территории, окружающие спецпоселки, как правило, заболочены <...>. Во всех занимаемых бараках и домах-общежитиях редко наблюдаются индивидуальные кровати и, как правило, для отдыха и сна используются общие нары, рассчитанные на семью, в редких случаях люди спят на полу. <...> Бачков для хранения кипяченой воды нет нигде <...>. Бараки и дома в надлежащий вид не приведены, не утеплены, не отремонтированы и не побелены. Железные печки, постоянно отопляемые в течение дня, дымят, создавая копоть и чрезвычайно душную атмосферу в помещении. Новый состав спецпереселенцев вскоре после прибытия, <...> при отсутствии теплой одежды и обуви, дал высокие цифры заболеваний простуд-

ного характера: грипп, пневмонии <...>, вспышки брюшного тифа. Всего за весну 1940 г. умерло 85 спецпереселенцев» [Поляки в Перм. крае 2009: 167–168].

²¹ Благодарим И.А. Кузнецову за сообщенные сведения.

²² Очевидно, что варьируется даже «идеологический выбор», сделанный некогда носителями этих традиций, поскольку в разных местах культ формируется в основном вокруг захоронений либо сторонников Советской власти, либо оказывавших им сопротивление местных жителей, либо тех и других в равной мере. Известны и примеры «внутренне конфликтной» исторической памяти, когда одному и тому же региональному событию или исторической фигуре жители различных населенных пунктов делают противоположную оценку; о таком конфликте – правда, возникшем в связи не с традиционными, крестьянскими, а новыми, собственно гражданскими формами мемориализации неоднозначной исторической личности см. [Филиппова 2010].

Список информантов

Бахматов Анатолий Андреевич, заведующий Юрлинским историко-краеведческим музеем, автор книг об истории Юрлинского района, с. Юрла.

Боголюбова Анна Ивановна, 1929 г.р., род. в пос. Куеда; в 1947 г. переехала в Юрлинский р-н, до 2014 г. проживала в пос. Усть-Пышья.

Дружинин Егор Васильевич, 1939 г.р., род. и проживает в с. Юм Юрлинского р-на.

Иванова Василиса Ивановна, 1933 г.р., род. в д. Осинка, проживает в д. Новосёлово Юрлинского р-на.

Кадочникова Алевтина Борисовна, директор Юмского сельского дома досуга, с. Юм Юрлинского р-на.

Леонтьева Галина Тимофеевна, 1939 г.р., род. в д. Вылом, проживает в с. Юрла.

Моисеева Татьяна Юрьевна, школьный завхоз, проживает в с. Юм Юрлинского р-на.

Петров Виктор Антонович, 1962(?) г.р., род. в д. Булычи, до 2014 г. проживал в пос. Усть-Пышья Юрлинского р-на.

Пятковская Любовь Петровна, 1953 г.р., жена Ю.А. Пятковского; род. в пос. Высокий Бор, до 2014 г. проживала в пос. Усть-Пышья Юрлинского р-на.

Пятковский Юрий Андреевич, 1954 г.р., род. в пос. Конанов Бор, до 2014 г. проживал в пос. Усть-Пышья Юрлинского р-на.

Степанова Елена Григорьевна, сотрудник Гайнского районного краеведческого музея; род. в Кочёвском р-не, проживает в пос. Гайны.

Фёдорова (Чекина) Нина Андреевна, 1940 г.р., род. в д. Мушарино (Ошкамёс) Кудымкарского р-на; жила в г. Кизеле, затем переехала в Юрлинский р-н, с 1960 по 2014 г. проживала в пос. Усть-Пышья.

Хозяшева Галина Петровна, 1949 г.р., двоюродная сестра Е.В. Дружинина; род. и проживает в с. Юм Юрлинского р-на.

Черемных Раиса Фёдоровна, 1967 г.р., проживает в д. Чёрная Юрлинского р-на.

Штейникова Евдокия Ильинична, 1951 г.р., сотрудник Юрлинской районной библиотеки, с. Юрла.

Штейникова Татьяна Матвеевна, 1951 г.р., бывший школьный учитель, род. и проживает в с. Усть-Зула Юрлинского р-на.

Список источников

Анфёрова Г.Н. Бабушка: рассказ (Рукопись). 2000-е гг. Личный архив Н.М. Тепловой, г. Пермь.

Список литературы

Бахматов А.А. Память: Историко-документальная хроника Юрлинского района. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1999. 392 с.

Бахматов А.А., Шандера Е.В. Летопись деревень Юрлинского района. Кн. 1: Вятчинский сельсовет. Пермь: Изд. Богатырев П.Г., 2014. 412 с.

Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 432 с.

Коми-Пермяцкий национальный округ / под ред. А.А. Григорьева, В.Ф. Васютина, М.И. Помуса. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 431 с.

Конин Г.К. Памятники истории и культуры Коми-Пермяцкого национального округа. Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во, 1976. 135 с.

Королёва С.Ю. Народные поминальные молитвы коми-пермяков и мифо-ритуальный контекст их бытования // Коми-пермяцкий этнографический сборник / под ред. А.В. Черных, А.С. Лобановой. (Труды Ин-та языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. X). СПб.: Маматов, 2014. С. 115–162.

Кузнецова И.А. Видения в современной устной традиции восточнославянского населения Кубани // Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев. Краснодар: Традиция, 2015. С. 308–314.

Любимова Г.В. К вопросу о формах материального воплощения народной исторической памяти: феномен святых мест (по материалам событий местной истории Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 18. С. 362–365. [Электронный ресурс]. URL: <http://archaeology.nsc.ru/ru/bibliogr/docs/04227.pdf> (дата обращения: 02.10.2015).

Любимова Г.В. Сибирская традиция почитания святых мест в контексте народной исторической памяти // *Studia Mythologica Slavica*. 2013. XVI. P. 27–45.

Николаев О.Р. Традиционные формулы крестьянской культуры на сломе эпох: «Похоронили хорошо» (к вопросу о фотографиях похорон) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2(36). С. 358–370.

Нора П. и др. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюи-меж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

Нуркова В.В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.

Пичурина В. Перепись звезд: В Зауралье благоустраивают братские могилы времен Гражданской войны // Российская газета – Южный Урал. 2007. 13 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2007/11/13/reg-ygural/mogily.html> (дата обращения: 05.10.2015).

Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / под ред. А.В. Черных. СПб.: Маматов, 2009. 306 с.

Попова Е.В. Культурные памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. 320 с.

СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь: Книжный мир, 2001. Вып. 2 (О–Я). 576 с.

Филиппова И.А. От устных рассказов к новым «текстам» мемориальной культуры Южного Урала // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тез. Всеросс. науч. конф. / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 215–218.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 01.10.2015).

Четина Е.М., Колегова О.А. Усть-Пышья: место памяти // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. (с международным участием) науч. конф. / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2015. С. 248–253.

Юдкина А.Б. Могила Неизвестного солдата в советском мемориальном ландшафте // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / сост. А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина; отв. ред. Д.В. Громов; Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2015. С. 256–279.

MEMORY LOCUS IN THE SPACE OF TRADITION

(Rituals and narratives related to mass graves in Yurlinsky district of the Perm region)

Svetlana U. Korolyova

Reader of Russian Literature Department
Perm State University

Elena M. Chetina

Reader of Russian Literature Department
Perm State University

Oksana A. Kolegova

Student of Faculty of Philology
Perm State University

The article is devoted to the ways of memorialization of loci associated with the early Soviet period. All of them are found on the territory of the Yurlinsky district (Perm region). Ritual memory refers to either official or traditional folk cults. In the second case, a memorable place “fits” a number of similar loci based on traditional cultural patterns. Such places are conceptualized as mythologically dangerous (buildings where bloodshed or death occurred; old cemeteries) or stimulate the emergence of special funeral practices (mass graves). The basis of such rites is a calendar wake for the deceased relatives, but family-related ritual changes its character and becomes collective.

Key words: Perm region; Russian; Poles; Russian Civil War; special settlers; mass graves; cultural landscape; funeral rites; mythological narratives.